— Я, Линь Бэй, настоящий гений. Только у меня могла родиться такая гениальная идея. Две черные тени стремительно отделились от тени Линь Бэя и побежали в сторону, куда ушел Санцзю.— Кэ Ли, в будущем не говори ничего такого, что напоминает о том, как я тебе спину растирал, ладно? Я растирал тебе спину всего один раз. Кэ Ли с растерянным выражением лица подняла на него глаза: — Почему, брат Линь Бэй? Линь Бэй, сохраняя серьезный вид, ответил Кэ Ли: — Ведь как тебе, босс, неудобно тереть тебе спину? Я как начальник, тоже хочу сохранить лицо! Услышав слова Линь Бэя, Кэ Ли потрогала свою маленькую головку, а затем с удивлением воскликнула: — О, я поняла! Брат Линь Бэй! Линь Бэй с облегчением посмотрел на Кэ Ли, которая вдруг все поняла. Неплохо, неплохо, талант есть, молодежь еще можно чему-то научить.— Эй, Дахэй, Сяохэй, Сяодзюэр, ваши кулинарные навыки все лучше и лучше! — Неплохо, чмок-чмок, бульканье, очень вкусно, а, отрыжка! — У сестры Сяодзюэр кулинарные навыки улучшились! Еда, приготовленная Дахэем, Сяохэем и Сусу, по-прежнему так вкусна! За столом ели только Ай Ли и Линь Бэй. Не потому, что Линь Бэй относился к ним по-разному. А потому, что ниндзя из Отряда Призраков, Сяодзюэр и большой корги с собачьей головой не нуждались в еде. Большой корги с собачьей головой смотрел на двух человек, с наслаждением евших за столом, и невольно пускал слюни... Закат окрасился в яркое звездное небо. Мир погрузился в поздний час. Горы и реки стояли в осеннем убранстве, все погружалось в тишину. На окраине Таочэна пара пряталась в глубокой тени деревьев, предаваясь интимным ласкам, куда свет не мог проникнуть.— О, перестань, кто-нибудь нас увидит.— Все в порядке, это окраина Таочэна, ночью сюда почти никто не ходит, да и если кто-то и придет, нас не увидит.— Не волнуйся, мы в безопасности, (*ε□*) муа-муа.— Ай, надоело, нежнее! В тени юные гормоны высвобождали жизненную силу. Эта пара влюбленных молодых людей думали только о том, чтобы наслаждаться нежностью друг друга, не замечая, как к ним медленно приближается кроваво-красный телефонный столб с двумя рупорами.— Эй, не трогай меня, пошли, найдем мотель.— Все нормально, здесь все равно никого нет, все в порядке, я тебе обещаю, хе-хе-хе.— О, надоело. Стенясь, но полная желанием попробовать, девушка неохотно скинула с себя нижнее белье. В тот момент.— Шип-шип! Девушка остро почувствовала этот странный звук, и ей стало очень не по себе.— Милый, ты слышал? С дороги доносится какой-то странный звук. Мужчина развязал ремень и равнодушно сказал: — Все в порядке, это, наверное, проезжающая машина. Не беспокойся, здесь нас никто не найдет. Услышав слова девушки, он все еще немного волновался, но уже было поздно прерываться. В следующую секунду перед ними появился кровавый телефонный столб.— И что это? Увидев настоящую личину Сирены, зрачки девушки резко сузились, даже голос ее немного дрожал. Он был почти четыре метра ростом, толщиной с обычный человеческий бедро, покрытый кровью, словно засохшее мясо, и уже не капал липкой алой жидкостью. У него не было головы, но были очень тонкие конечности. Каждый его шаг сопровождался треском, как звук трения разрываемой древесины. Его руки и ногти на ногах были невероятно острыми. Особенно пять пальцев обеих рук, тонкие и острые, как копыта, с остатками темно-красной конденсации. В верхней части тела у него были два громкоговорителя или сирены, обращенные в разные стороны. Эти две сирены с острыми зубами были похожи на два дьявольских рта. Сирены были темно-красными, того же цвета, что и кровь, запекаясь в кровавые корочки. В центре сирен находился кроваво-красный глаз размером с кулак, а вокруг него клубком переплетались сосудистые ткани. Эти ткани, похожие на кровеносные сосуды, все еще дергались, когда глаз вращался. В основании сирен все еще оставалась пахнущая жидкость, смешанная с кровью, и очень липкая. Услышав дрожащий голос девушки, парень поднял голову. Ужасный монстр перед ними чуть не остановил им сердце. Они натянули штаны и хотели убежать. Но вдруг из двух громкоговорителей сирен раздался треск.— Динг-Оу-Оу! Двое, столкнувшись с этой вибрацией, не только были настолько потрясены, что у них пошла кровь из семи отверстий, но и их кожа порвалась! От этой разрывистой вибрации окружающие деревья взорвались одно за другим, покрываясь трещинами! Один из глаз парня от этой мощной вибрации был разбит. Кристаллические осколки разбитого глаза смешались с кровью и разлетелись, ударив

девушку по лицу. Девушка широко открыла рот, и даже ее рот был наполнен осколками кровавого глаза. — А! А-а-а-а! Заметив кровь и плоть во рту, девушка сразу же начала отрыгивать. Но в этот момент у нее само горло разорвалось, и из разорванного горла вместе с тонкими трубчатыми кровеносными сосудами непрерывно текла кровь. Кислородно-богатая артериальная кровь была ярко-красной и ослепительной, и она еще была теплой, когда брызнула на парня. Девушка вдруг перестала дышать, и из горла продолжал доноситься ревуший звук, похожий на разбитый меха. Парень с разбитым глазом с ужасом смотрел, как у девушки кровавая дыра в горле и кровь на груди. От страха он оглох. В тот момент положение девушки было еще более критическим, из разорванного горла вылилось большое количество крови, а трахея, которая использовалась для дыхания, также была перекрыта. Теплая кровь по легочной трубке потекла в легкие, а теплая и соленая жидкость вылилась в бронхи легких, заполняя пространство в легких. Ощущение удушья, как при утоплении, окутало ее весь разум, а головокружение от нехватки кислорода затуманило ее зрение, и она непрерывно кашляла. Кровь, которая потекла в легкие, непрерывно выливалась наружу, а затем из-за силы тяжести снова потекла обратно, и так повторялось снова и снова, и кровь брызгала на лицо парня. Лицо девушки побледнело, губы посинели, в глазах был отчаяние, она дрожащей рукой протянула к парню руку: — Хссс-Ха-Хссс-Ха-Gulp, Gulp — Шшш, бах! — Как звук острого оружия, протыкающего кожу, сердца парня и девушки были связаны вместе. В этот момент их сердца были связаны воедино. Парень с последних сил медленно взял девушку за ладонь. Их жизни прервались, как и их разбитые сердца. Хотя парень и девушка не жили в один день, они умерли в один день. — Шип-шип! Огромная голова Сирены, с двумя свежими подвесками на пальцах, медленно зашла в темноту. Только упавшие на месте деревья и текущая кровь на земле свидетельствовали о том ужасе, который только что произошел. Пара отчаянных мандаринок, нанизанных на пальцы головы Сирены, еще кровили и разбрызгивали кровь по всей дороге. Высокая и тонкая кровавая фигура, издавая глубоко сидящий в душе пронзительный звук, исчезла в темноте. На бойне крепкий мясник с свиной головой один за другим убивал голых двуногих овец. Сдирание, отрубание головы, потрошение, разделка и нарезка. Кровь и крики были как потоп, прорвавший дамбу, но они резко остановились в тот момент, когда тела были разделены. Двуногие овцы, которых еще не зарезали, дрожали в железной клетке, своими глазами свидетельствуя обо всем, что происходило перед ними, словно в аду. В этот момент статусы мясных животных и людей сменились, и крайне подавляемый страх, как невидимое полотно, покрыл каждую двуногую овцу. Кровь их сородичей брызгала на крышу, внутренности вынимались одним куском. Затяжная симфония костей и стальных ножей непрерывно влияла на их рациональный порог. Они даже не осмеливались кричать громко, потому что последняя двуногая овца, которая это сделала, уже превратилась в кусок мяса в тазу. Крепкий мясник с свиной головой медленно разрезал мясо в своей руке. Освещение было тусклым, и вонь заполняла всю комнату. За пределами бойни экзорцист Санцзю пошагово вышел из двери, держа в руках компас для охоты на демонов.